

Время близилось к обеду, и первый день занятий подошел к концу. Жун Юйхэн чувствовал, что вот-вот умрет от голода. Сам он был еще совсем неокрепшим зеленым росточком — как вырасти в раскидистое вековое дерево без солнечного света и живительной росы?

После того как остальных участников распустили, они парами и тройками потянулись в столовую внизу. Из другого конца класса к нему со всех ног бросился Пу Цзайси, на бегу безудержно хохоча:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха!.. Наконец-то я могу посмеяться в голос! Ну ты и сокровище!

Жун Юйхэн совершенно не хотел с ним разговаривать.

Этот придурок Пу Цзайси говорил так, будто сам все время сдерживался. Когда Цзинь Чжияо не выдержала и рассмеялась, именно он первым и заржал!

Пу Цзайси покружился вокруг Жун Юйхэна, словно пестрая бабочка, хлопнул его по плечу и так же легко упорхнул прочь:

— У тебя же еще дополнительные занятия, так что я тебя ждать не буду!

Жун Юйхэн с безучастным видом махнул рукой — мол, иди уже, иди...

Класс мгновенно опустел, в нем остались только они с Вэнь Чжэчэном.

Вэнь Чжэчэн прислонился к хореографическому станку в другом конце зала и, скрестив руки на груди, посмотрел на него:

— И чего ты там застыл?

Жун Юйхэн торопливо посеменял к нему.

Стоило ему подойти, как Вэнь Чжэчэн скомандовал:

— Пой.

Жун Юйхэн глубоко вздохнул:

— Река великая...

— Другую.

— ...

Он поджал губы, немного помолчал и в конце концов сдался:

— Простите, Учитель Вэнь, я знаю не так много песен.

— Знаешь мало песен, а пришел на шоу талантов? — Вэнь Чжэчэн осекся, почувствовав, что его тон прозвучал слишком резко, и немного смягчился: — Ну а темы из сериалов, которые ты смотрел в детстве? Хоть парочку-то должен помнить.

Жун Юйхэну было даже неловко признаться Вэнь Чжэчэну, что он вырос на аниме. Он разве что мог напеть пару строк из опенинга «Ванпанчмена».

Жун Юйхэн напряг извилины и в итоге действительно вспомнил одну песню из телесериала.

Он робко прокашлялся:

— Я начинаю.

Вэнь Чжэчэну почему-то почудилось в этих словах предупреждение об опасности. Он тихо хмыкнул:

— МГМ.

Под настороженным взглядом Вэнь Чжэчэна Жун Юйхэн медленно открыл рот.

— Предстанет пред нами трагедия веков, обида великая, что не описать словами... Не высказать боли, смирению не быть, пла-а-а-ает небо...

Заунывный, тоскливый голос плавно полился из его уст. В нем звучали и ропот, и тоска, и слезы, и жалобы, невидимыми нитями связывая двоих.

Особенно затянутым вышло слово «плачет» — голос дрожал, взлетая и падая, словно горные кручи, и переходил в жалобное «у-у-у-у...»

Лицо Жун Юйхэна выражало глубочайшую, до крайности наигранную скорбь.

У Вэнь Чжэчэна перехватило дыхание, и он долго не мог выдохнуть.

Это же была тема из «Великой обиды Доу Э»!

Не дожидаясь, пока его остановят, Жун Юйхэн уже перешел к кульминации. Он вытянул шею, словно умирающий лебедь, выпевая последний скорбный вопль о великой несправедливости:

— Обида великая! Обида великая! Не искупить вековую скорбь, уйдет в века горький след... А жизнь... словно дым...

...

У дверей музыкального класса стоял Цяо Тань. Его рука замерла на ручке двери, и он долго не решался ее открыть.

Он пришел позвать Вэнь Чжэчэна на обед, но еще до того, как войти, услышал доносящиеся из щели заунывные напевы из «Великой обиды Доу Э». Казалось, вокруг комнаты образовался странный мистический барьер.

Оказавшись по ту сторону барьера, Цяо Тань помедлил секунду, а затем развернулся и ушел.

Ждавший на лестничной площадке Сун Тан удивился, увидев, что Цяо Тань возвращается один:

— А где Учитель Вэнь?

Цяо Тань даже не обернулся:

— Поедим сами. Похоже, он там проводит какой-то ритуал.

— . . .

-

Дополнительное занятие Жун Юйхэна закончилось лишь полчаса спустя.

Стоит признать, хотя Вэнь Чжэчэн и казался нелюдимым, объяснял он на редкость доходчиво и дал Жун Юйхэну немало полезных советов по самосовершенствованию. Например, проверить голову у врача.

Жун Юйхэн извлек из этого огромную пользу и все прилежно записал.

— Я вернулся! — объявил он, толкнув дверь общежития.

— Ну как, как все прошло? Индивидуальный урок от брата Чжэна! — Пу Цзайси возбужденно подскочил на кровати.

— Учитель Вэнь очень ответственный, — Жун Юйхэн подумал и решил все же восстановить репутацию Вэнь Чжэчэна. — С ним вовсе не так трудно ладить, как мы думали. Он терпеливо объяснял все, чего я не понимал.

Он добавил:

— А еще проявил ко мне искреннюю заботу.

Правда, взгляд у него при этом был как на умалишенного.

Пу Цзайси изумился:

— Ого... А я-то думал, у брата Чжэна скверный характер. Когда он вел у нас занятия, я даже пикнуть лишний раз боялся.

С этими словами Пу Цзайси вдруг посмотрел на него с восхищением:

— погоди, ты ведь на кастинге действительно сказал брату Чжэну посильнее оттопырить задницу?

— ... — Жун Юйхэн на секунду задумался, а затем молча кивнул.

Только что вышедший из душа Цзоу И не смог сдержать восхищения:

— Знаешь, я просто обомлел, когда смотрел трансляцию. Ну ты и смельчак! Неужели и правда надеялся, что тебя бодхисаттвы оберегают?

— Я же просто ради шоу старался, — Жун Юйхэн раньше не придавал этому значения, но теперь, под влиянием слов соседа по комнате, почувствовал легкое раскаяние. — Кто же знал, что Учитель Вэнь придет вести у нас занятия. Теперь каждый раз, когда я вижу его задницу, мне становится жутко неловко.

В маленькой комнате общежития повисла тишина.

Пу Цзайси просто не находил слов.

Да дело вообще было не в том, неловко ему смотреть на его задницу или нет!

Этот парень совершенно не думал о чувствах брата Чжэна, в его голове был только он сам!

Спустя какое-то время Цзоу И предложил:

— Давайте сменим тему.

Жун Юйхэн и Пу Цзайси хором ответили:

— Поддерживаю.

-

Однако не успели они заговорить о чем-то другом, как дверь в комнату распахнулась. Вошел Чжоу Шубай с пакетом в руках. Направившись прямо к Жун Юйхэну, он протянул ему ношу:

— Молодой господин лично заказал это для тебя. Грузинская кухня.

Жун Юйхэн опешил. Он никак не ожидал, что Чжоу Шубай закажет для него еду.

— Брат Шубай...

Пу Цзайси ахнул:

— Ого! Я только что упомянул, что тебя оставили на дополнительные занятия, и Шубай тут же сказал, что ты наверняка голоден! Надо же, Шубай, я изменил мнение о тебе. Оказывается, ты, молодой господин, умеешь заботиться о людях!

Чжоу Шубай вспыхнул от негодования:

— Что значит «изменил мнение»?! Я и так всегда был хорошим человеком!

Жун Юйхэн, переполненный благодарностью, в мгновение ока бросился к нему и заревел во весь голос. По его щекам покатились крупные слезы:

— Брат Шубай, ты просто живой бодхисаттва! У-а-а-а!..

Чжоу Шубай перепугался от его внезапных объятий и слез и даже начал заикаться:

— Черт, да ты... ты чего разрыдался-то?..

Цзоу И и Пу Цзайси тоже остолбенели.

Конечно, это было трогательно, но не до такой же степени, чтобы рыдать в три ручья!

К тому же заплакать за одну секунду — из чего вообще сделан этот Жун Юйхэн?

Но Жун Юйхэн действительно был невероятно сентиментальным. Оказавшись в одиночестве вдали от дома, он внезапно ощутил чью-то заботу, и его нежные чувства тут же дали о себе знать.

Он поплакал еще немного, пока слюна у него во рту не потянулась тонкой ниточкой, блестя в свете ламп, и только тогда наконец закрыл рот.

Жун Юйхэн потер глаза и взял пакет.

Блюда внутри оказались еще горячими. Изысканная упаковка сразу выдавала заказ из

дорогого ресторана.

Чжоу Шубай почувствовал себя немного неловко:

— Ты сегодня помог мне дотащить багаж, я просто хотел отблагодарить тебя. Как и обещал, угощаю грузинской кухней. Обошлось всего-то в четыре сотни с лишним, сущие копейки.

Все трое:

— ...

Да уж, суть этого придурка не изменилась: он все так же любил повыпендриваться своим богатством.

-

Вэнь Чжэчэн вернулся домой только в девять часов вечера.

Его отец, Вэнь Чжунюнь, был прославленным мастером традиционной оперы старшего поколения. Несмотря на поздний час, в гостиной все еще работал проигрыватель, подпевая которому старик выводил протяжные оперные рулады.

Проходя мимо, Вэнь Чжэчэн прислушался. Музыка оказалась арией из оперы «Обида Доу Э». Тоскливые, надрывные мотивы тут же пробудили воспоминания, которые ему хотелось бы похоронить навсегда.

В его ушах невольно зазвучал заунывный голос: «Обида великая! Обида великая! Не искупить вековую скорбь...» Удивительно, но эти строчки странным образом наложились на звучавшую оперную мелодию.

Он потер пульсирующие виски, подумав, не сходит ли он с ума.

Пение резко оборвалось. Вэнь Чжунюнь окликнул его:

— Чжэчэн, почему так поздно?

— Режиссер Чэнь Ли позвал меня провести несколько занятий на своем шоу талантов.

— О-о... — протянул Вэнь Чжунюнь, а затем спросил: — Ты вечно ходишь с таким каменным лицом, небось, ученики тебя недолюбливают?

— ... — промолчал Вэнь Чжэчэн.

— А что, я не прав? Или нашелся какой-то недотепа, который добровольно к тебе тянется?

В голове Вэнь Чжэчэна тут же всплыло чужое лицо. Он подумал, что тот парень не просто недотепа, у него явно не все дома.

— Хм? Чего это ты улыбаешься? — Вэнь Чжунюнь с любопытством подался вперед и уверенно заявил: — У тебя появился какой-то секрет!

Вэнь Чжэчэн спохватился и поспешно убрал улыбку:

— Я не улыбался.

Договорив, он развернулся и ушел к себе.

Вэнь Чжунюнь закричал ему в спину:

— О небо, вырос сыночек — дома не удержишь!

<http://bllate.org/book/18291/1754036>